

ИСТИННОЕ ПОВѢСТВОВАНИЕ
ИЛИ
ЖИЗНЬ ГАВРИЛА ДОБРЫНИНА,
ИМЪ САМИМЪ НАПИСАННАЯ.

1752—1827.

§ XIV *).

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Мы прожили (въ 1770 г.) въ Орлѣ до самаго праздника Вознесе-
нія. Въ продолженіе сего времени были частыя архіерейскія свя-
щеннослуженія, частыя посвященія ставлениковъ, частыя у граж-
данъ обѣды и вечеринки съ хоромъ пѣвчихъ до бѣла-свѣта, по-
добныя торжеству тезоименитства его преосвященства. Когда
же преосвященный не въ гостяхъ, то содержаніе намъ было отъ
приготовленной заблаговременно слядки священно-и церков-
но-служителей, по заведенному обыкновенію. Все хорошо! слѣ-
дующее только приключеніе помѣшало благу нашего пастыря:

Во единъ отъ дней, во время толкованія въ церкви псал-
тѣри, когда началъ преосвященный, по обыкновенію, присовоку-
пять нравоученіе къ народу, то разсудилось ему, для придачи
силы и краснорѣчія своему нравоученію, называть старообряд-
цевъ с... ными сынами, и плевать на суевѣрной народъ, чрезъ
назой**), на которомъ лежалъ передъ нимъ псалтырь. Орловцы,
и торгующій и несѣдчій, вездѣ бывающій и нигдѣ не-
с... шій проповѣдей подобнаго стила. Они начали разво объ
и олковать, а одинъ изъ гражданъ, по прозванію Овчинни-

и. «Русскую Старину», 1871 г., т. III, стр. 119—160.

олой—греческ.—на которомъ кладутъ и читаютъ книги въ церквахъ.

Г. Д.

17

вовъ, гдѣ-то проговорился, что архіерей часто заговаривается въ забывчивости, какъ таковой человѣкъ, у котораго голова всегда не порожня. Къ большой архіерейской досадѣ, стало всѣмъ извѣстно, что Овчинниковъ это говорилъ не аллегорически, не метафорически, не иронически и не критически, но исторически. Архіерей увѣдомленъ о семъ отъ вѣрнаго Архангельской церкви священника, который искалъ быть протопопомъ, требовалъ отъ гражданскаго правительства купца сыскать и съчь безъ милости, яко разорителя свѣта ученія. Онъ желалъ и самъ, по примѣру святаго Иліи, схватить ножъ, но рѣзать уже было некого: Овчинниковъ былъ осторожниѣ студныхъ вааловыхъ пророковъ, онъ убрался изъ города заблаговременно, не дожидаясь, чтобъ его уловили, а священникъ Архангельской церкви не получилъ протопопства, вѣроятно потому, что всѣ знатнѣйшіе старообрядцы упросили архіерея, убѣдительнонѣйшими способами, возвысить въ сіе достоинство богоявленскаго отца Алексѣя, который на нихъ и на Овчинникова не доносилъ.

Обидѣвшійся пастырь жалился письменно Синоду. Онъ защищался всѣмъ тѣмъ, чѣмъ обвинялъ Овчинникова, то-есть: вѣрою, закономъ, саномъ, должностію и проч. и просилъ отмщенія. Синодъ ему не отвѣчалъ, безъ сомнѣнія потому, что многіе слушатели орловскихъ поученій—имѣющіе по торговлѣ съ Петербургомъ связь—перетолковали тамъ дѣло не столь важнымъ, чтобы обвинить Овчинникова или оправдать архіерея.

Обращаясь къ собственной исторіи, долженъ повторить, что ставленическая контора и въ походѣ была въ моемъ письму-управленіи, почему, въ какую бы улицу въ Орлѣ я ни пошелъ, вездѣ находила меня толпа просителей, кои потомъ составляли мой конвой, проводжали безотвязно до самой квартиры, представляя между тѣмъ свои мнѣ просьбы, съ общаніемъ точнаго числа за мою имъ помощь воздаянія. А другіе ничего такъ не твердили, какъ «что они бѣдны! они прожились! они проѣлись! Дѣла у нихъ остались старики, да малые дѣти и проч...» Первый сортъ просителей выслушивалъ я съ пріятнымъ видомъ и чистосердечнымъ увѣреніемъ о моемъ имъ пособіи и отпускѣ въ домъ, и устывалъ на словѣ; а второй разрядъ просителей отбывалъ кажимъ-нибудь пустословіемъ, изъ котораго нельзя было ни надѣяться, ни отчаяваться.

Случай и интерес острять разумъ и учать злу такихъ людей, которые, родясь въ бѣдности, лишены были надлежащаго образованія сердца и разума! Таеъ я думалъ въ созрѣлыхъ уже лѣтахъ, ощущая въ себѣ недостатокъ воспитанія, которому я не причиною и которой отвращать, самому собою, стоило мнѣ не малаго труда. Но въ дальнѣйшее теченіе моей жизни и службы испыталъ, что многіе благовоспитыванные ничего меньше не имѣютъ, какъ истинной чести и добродѣтели; кромѣ наружныхъ пріятностей, служащихъ не рѣдко для добрыхъ, но простыхъ сердець пищу, которая въ пріятномъ вкусѣ бываетъ смертоносна.

Въ одну ночь, трудясь я обыкновенно за ставленическими дѣлами, положилъ руки на голову на бумаги, лежащія предо мною на столѣ, дабы до тѣхъ поръ, пока страница, которую я дописалъ, засохнетъ, минутно себя успокоить—это былъ расчетъ тогдашнихъ моихъ лѣтъ!—но минута меня обманула. Она протянулась на столько времени, во сколько свѣча оплыла, обвалилась на столъ,хватила за бумаги, и допустила пламя до моихъ пальцевъ. Я вскочилъ такъ, какъ вскакиваютъ ожогшись, началъ руками и платкомъ бить по бумагамъ, утушилъ пожаръ скорѣе, нежели тушатъ его въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть полицмейстеры. Мнѣ принесли сѣдящему уже во тьмѣ свѣчу, и я напелъ, къ счастью моему, что сгорѣли пустыя, ненужныя бумаги: да въ одномъ только дѣлѣ отгорѣли понемногу углы, которые тотчасъ я подклеилъ вишневымъ клеємъ, и отгорѣвшій упадокъ приписалъ собственной рукою. Потомъ, когда началъ приклею и подложенной вѣстѣ съ нею допросъ обрѣзывать, дабы сравнить съ дѣломъ, то перехватилъ неосмотрительно пополамъ ножницами архіерейскую собственноручную резолюцію съ помѣтою. Эта бѣда хуже пожара! Я подклеилъ и резолюцію; но боясь архипастырскаго правосудія, пошелъ я въ нему съ дѣлами и слѣдующими къ подписанію грамотами попозднѣе обыкновеннаго, дабы между дневнымъ и свѣчнымъ свѣтомъ удобнѣе могла скрыться моя приклейка.

Архіерея встрѣтилъ я ѣдущаго съ оберъ-провіантъ-мейстеромъ Д. В. Астафьевымъ, который ему еще въ Торжкѣ былъ добрый пріятель. Онъ, увидя меня съ ношею бумагъ, и притомъ расчесаннаго въ нѣсколько пуколь, распудреннаго и въ башмакахъ съ блестящими пряжками, приказалъ остановить карету

велѣлъ мнѣ сѣсть напротивъ, и примовилъ Астафьеву: «Это у меня ^{у насъ} таковой надежной». Потомъ, взявши меня за свободную отъ бумагъ руку, сказалъ: «продолжай Добрынинъ такъ, какъ ты началъ».

Милостивныя слова, и первой разъ сидѣнье съ архіереємъ въ каретѣ, произвели бы во мнѣ безпримѣрную радость, если бы не тревожила меня приклепка.

Архіерей, прибывъ въ Астафьеву и въ продолженіе тамъ пріятельской вечеринки, всѣ грамоты подписалъ и надлежащія резолюціи положилъ, не примѣтивъ въ успокоенію моему моей подклепки, чему я не меньше радовался, какъ дозволенію сѣсть въ карету.

Въ прохожденіе сей должности, по мѣрѣ прибытка въ моемъ карманѣ, умножалась противъ меня и зависть, какъ натуральной спутникъ планеты счастья, а можетъ быть сіе зло было и противъ ала. Оставимъ это разсуждать искусникамъ въ моральный химіи. — Въ проходной канцеляріи злобились и роптали на меня приказныя, кои производили дѣла только слѣдственныя, въ которыхъ трудъ безъ награды, а къ ставленническимъ, въ которыхъ награда почти безъ труда, не имѣли права касаться.

Съ другой стороны, всѣ оставшіеся въ Сѣвскомъ архіерейскомъ домѣ, практиковавшие любостязатели напряженную противъ меня щитали злобу. Консигторскій судья Иринархъ, о которомъ я выше говорилъ, былъ въ семъ комплотѣ не послѣдній, — потому, что и его кружечный сборъ, по случаю нашего похода, поручень былъ мнѣ съ тѣми же правилами.

Сопостаты мои, до возвращенія еще нашего въ Сѣвскъ, приняли въ наступательной противъ меня союзъ архіерейскую сестру *). Всѣ они вмѣняли мнѣ въ важное преступленіе, что я, пользуясь, по ихъ мнѣнію, однимъ прибытками, не присылаю имъ подарковъ.

Правда, что я худой былъ политикъ; но то еще справедли-

*) Она была за соборнымъ ключаремъ, котораго преосвященный пощупалъ палками въ своей спальнѣ, за какое-то празднословіе, и потомъ сослалъ въ какой-то Кіевскій монастырь, по сношенію съ начальникомъ оного, гдѣ и скончался сей несчастный человекъ, а сестра осталась при братѣ съ малолѣтними дочерьми, изъ которыхъ старшая помолвлена была за меня, о чемъ скажется на своемъ мѣстѣ.

вѣе, что я и самъ пользоваться не умѣлъ. Двадцатилѣтній мой вѣкъ и монастырское, въ протчемъ хотя ограниченное воспитаніе, но въ семъ случаѣ весьма достопочтенное, чтобъ не обидѣть ближняго, были тому основаніемъ.

§ XV.

Выѣздъ изъ Орла и проч. и проч.

Наконецъ, въ день Вознесенія выѣхали мы изъ Орла такъ же, какъ и въѣхали, при колокольномъ звонѣ, поелику священство и звонари не смѣли не сдѣлать сего грома; но на заборахъ и на крышахъ никого уже не было, кромѣ обыкновенно ходящихъ по улицамъ, у которыхъ какъ будто на лбахъ было написано, что они всѣ сердятся за толкованіе псалтири, или пошептываютъ: «по платю встрѣчаютъ, по уму провожаютъ».

По приѣздѣ уже въ Сѣвскъ, отерлся мнѣ яснѣе вышесказанный противъ меня заговоръ. Прибывшіе изъ Орла увѣрили сѣвскихъ моихъ завистниковъ, что я по меньшей мѣрѣ вывезъ изъ Орла тысячу рублей.

Сочтено у нихъ было точное число посвятившихся ставленниковъ, и положено, по произвольному примѣру, какое число каждый могъ мнѣ дать. Можетъ быть они и не ошибались въ своей смѣтѣ, но ошиблись во мнѣ.

Послѣ, но нескоро узналъ я изъ опытовъ и примѣровъ заслуженныхъ корыстолюбцевъ, что я вмѣсто капитала пользовался только процентами, ибо вывезъ только сто руб. да пару платя.

Консисторскій секретарь Звѣревъ, хотя впрочемъ и добрый человекъ, не вытерпѣлъ, чтобы не сказать, что онъ согласился бы помѣняться со мною на мѣста, если бы ему чинъ не мѣшалъ.

Какъ искра въ пеплѣ, такъ злобная зависть въ моихъ неприятеляхъ тлѣла донныѣ, и дѣйствовала минами, или подкопомъ; но вскорѣ воздѣйствуетъ она порядочнымъ приступомъ или штурмомъ.

Уже мой владыка, начиненъ будучи дурнымъ обо мнѣ мнѣніемъ, началъ громогласно при многихъ случаяхъ гласить: что, «онъ до меня давно добирается», изреченіе, несообразное ни

съ саномъ, ни съ правиломъ воспитанія, но въ духовномъ деспотизмѣ — обыкновенное.

Между тѣмъ, какъ я тревожился и ожидалъ не зная самъ чего, архіерей разрѣшилъ мое недоумѣніе слѣдующимъ маневромъ.

Во время оно, егда его преосвященство священнодѣйствоваль, и по принесеніи безкровныя жертвы шествоваль отъ престола къ своей каедрѣ *), на которой, по чиноположенію греко-восточной церкви, долженъ онъ былъ сѣсть и выслушать читаемыя мною, вмѣсто его, благодарственныя молитвы, за то, что онъ удостоился приобщиться святыхъ таинъ; то, вмѣсто всего этого, схватилъ онъ меня за волосы обѣими руками весьма плотно, и впился въ нихъ, какъ клещъ въ тѣло. Мужчина онъ былъ большой, сухощавый и сильный; слѣдственно руки его не были похожи на пуховыя. Во всемъ пространномъ алтарѣ не осталось мѣста ни на вершокъ, съ котораго бы мы не подняли пыли. Первый ударъ моими ногами былъ объ ноги малорослаго архимандрита Карпинскаго, который въ надлежащей важности отпрыгнулъ къ окну, — хотя мнѣ и не досужно было разсматривать, въ какой ето важности, куда прыгалъ. — Нѣкоторые сослужащіе и причетники разсѣялись по разнымъ мѣстамъ алтаря, нѣкоторые выбѣжали въ церковь, всѣ высматривали изъ за плечей одинъ другого, ожидая съ благоговѣніемъ, со страхомъ и трепетомъ окончанія святительскаго на мнѣ рукоположенія. Кадмъ дракона не убиваль съ такимъ мужествомъ, волкъ агнца не терваль съ такою жадностью, Самсонъ, злясь на филистимлянъ, не связываль съ такимъ проворствомъ лисицамъ хвостовъ, и даже самый Духъ праотцу Іакову не ломаль лядвіи столь безжалостно, какъ сей пастырь меня по алтарю Господню потаскиваль. Онъ до тѣхъ поръ меня изъ рукъ не выпустилъ, пока не осталось въ нихъ все то, что оными захватываемо было, кромѣ самой головы и шеи, по которымъ досталось только нѣсколько кулачныхъ совковъ и оплеухъ, подъ пѣніемъ концерта. Можно сказать: что онъ для того и облачился, чтобы отправить

*) Кресла или стулъ съ положенною на немъ пуховою подушкою, которая обыкновенно покрывается бархатомъ или атласомъ. На сей каедрѣ архіерей садятся въ церкви во время своего служенія, въ доказательство, — какъ они говорятъ, что «онъ властелинъ церкви».

надо мною во всей славѣ сію церемонію. Я не расположенъ былъ замѣчать и видѣть повѣствуемую мною акцію, но меня удостоивъ яли объ ней послѣ всѣхъ самовидцы единословнымъ сказаніемъ.

Наконецъ гнѣвъ утѣлился, разъяренный іерархъ утѣдился, настала тишина, открыта моя вина. Какая вина? Вина та, что предъ каедрою не было орлеца *). Тогда архимандритъ, посмотрѣвъ на архіерея учительски, далъ ему знать, сдѣлавъ изъ себя полную мину, о добротѣ сего происшествія, — не знаю только, для меня ли онъ сдѣлалъ сей видъ неудовольствія, или для архіерея, или для своихъ ногъ, по которымъ ему досталось моими.

Архіерей сѣлъ уже на каедрѣ; — разумѣется, что орлець былъ уже у него подъ ногами; — я началъ ему сторяча драть благодарственныя по причащеніи молитвы, которыхъ ни онъ, ни я отъ жару не понимали. Онъ однакожь ѣлъ, сидя, мягкую просфору и запивалъ краснымъ кагорскимъ виномъ, а я читалъ въ молитвахъ, чтобы «благодареніе его преосвященства было ему въ радость, здравіе и веселіе; въ страшное же и второе пришествіе сподобленъ онъ былъ стати одесную».

Пришедъ я въ мою горницу, пустился въ глубокое малодушіе. Предался самой горькой печали, не меньше отъ нобоевъ, какъ и отъ стыда, не разсуждая, что сей стыдъ раздѣлялъ со мною самъ архіерей. Пораженный скорбію въ душѣ и тѣлѣ, сѣлъ я на стулъ и просидѣлъ безчувствительно до самаго вечера, положи голову на столъ. Базалось мнѣ, что я не спалъ и видѣлъ, какъ архіерей въ алтарѣ, инымъ борода рветъ, иныхъ свѣчами подпаливаетъ, а ко мнѣ бросается таскать. Предъ вечеромъ я образумился и узналъ, что все это мнѣ мечталось въ жару. Мнѣ сказали; что я, сидя на стулѣ, спалъ и бредилъ. Ночь мнѣ была такова-же, какъ и день; а въ наступившее утро архіерей посѣтилъ меня самъ: онъ не спрашивалъ, чѣмъ я боленъ, а только осмотрѣлъ пульсъ и языкъ, и вышедши изъ моего покоя, возвратилъ ко мнѣ служителя своего съ увѣреніемъ, что «его преосвященство гнѣва на меня не имѣетъ». Я обрадовался крѣпко сему благоволенію. Какое различное дѣйствіе радостнаго духа съ печальнымъ! Я вдругъ сдѣлался здоровъ или,

*) Орлець, на которомъ становятся архіереи вмѣсто подстилки. Онъ круглой фигуры на подобіе блина. Въ діаметрѣ верхковъ около 12-ти, съ вышитымъ изображеніемъ орла.

по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось. Одѣлся и пошолъ въ ставленическую контору въ должности. Не писалъ я тамъ и получаса, какъ пронялъ меня жестокой ознобъ. Ризничій, от. Гедеонъ *), въ повояхъ котораго была и контора, видя, что мною дѣлается худо, далъ мнѣ тотчасъ свою постелю, въ которую я и повадился, ибо не въ силахъ уже былъ пройти чрезъ подворье до своего покоя.

Послѣ озноба слѣдовалъ жаръ, которой хотя лишилъ меня памяти, однако-жъ не отнялъ мученія, чувствуемаго въ жестокой горячкѣ. Уже болѣзнь меня осилила такъ, что и помощь подать было поздно, по мнѣнію городского лекаря. Мать моя пришла изъ женскаго монастыря. Она видѣла, что положеніе мое предвѣщаетъ мою кончину, а ей самой непрерывную болѣзнь во всѣ остаткіи дней. Отдавшись натуральной любви, начала она горько сокрушаться, произнося такія слова, какія матерняя любовь могла изобрѣсть при потерѣ ея послѣдняго сына. Ее увѣрили, что присутствіе ея для меня вредно; почему и убѣдили ее возвратиться въ монастырь, хотя на нѣсколько времени.

Самая жестокость болѣзни продолжалась девять дней, въ продолженіи которыхъ совершили надо мною священныя таинства. Всѣмъ казалось, что перевѣсъ былъ къ смерти; а особливо, когда я напоследокъ приутихъ такъ, что сомнительно было, заснулъ ли я, или уже испустилъ послѣднее дыханіе—какъ вдругъ, неожиданно,—я чихнулъ!

Секунда чиханія была для меня столь несносный и премучительный ударъ, какъ-бы голова моя въ мелкія части разлетѣлась. Но тотъ же самой ударъ произвелъ собою теченіе изъ носа крови, которая сперва полилась почти непрерывною струею, а потомъ, мало-по-малу уменьшаясь, перестала, наполнивши тарелки три глубокихъ. Я тотчасъ заснулъ спокойно на цѣлыя сутки. Проснувшись, припомнилъ что я боленъ, и самъ себѣ не вѣрилъ, въ самомъ ли дѣлѣ голова моя не болитъ, или не въ другой ли уже я жизни? На ту пору вошелъ ко мнѣ пѣвчій Козьма Вышеславцевъ**), который во всю мою болѣзнь былъ при

*) Братъ его родной Ириней Братановскій въ Вологдѣ былъ епископомъ. Г. Д.

**) Онъ былъ изъ «архіерейскихъ дѣтей боярскихъ» по стариннымъ русскимъ правамъ, и принадлежалъ къ новгородскому архіерейскому дому; но по нерадѣнію предковъ его, попалъ въ служители Хутынскаго монастыря.

мнѣ безотлучно какъ единого, ко мнѣ добротства и пользовалъ холодительнымъ цитъемъ и перевязками по пульсамъ. Онъ меня спросилъ: каково мнѣ послѣ крови? Но городской декаръ, который меня не пользовалъ, потому что ему опоздали сказать о моей болѣзни, пресѣкъ, вошедши, началъ разговоръ. Онъ, посмотря на мой языкъ, сказалъ съ веселымъ видомъ: «жаръ миновался, завтра вели для себя сдѣлать ячменную кашницу съ курицею; а послѣ надобно будетъ дать не очень крѣпкое пургаторіумъ для очищенія внутренностей отъ вредныхъ гнилостей». Вскорѣ пришелъ ко мнѣ изъ архіерейскихъ покоевъ осмидесятидвѣтній старикъ, называемый Палѣй*). Онъ мнѣ рассказалъ, что архіерей въ продолженіе моей болѣзни часто меня посѣщалъ, а его, Палѣя, призывая иногда къ себѣ, вопрошалъ: какъ онъ думаетъ? выздоровѣю-ль я? Онъ бранилъ вспыльчиво.— рассказываетъ Палѣй—свою сестру, и отдавалъ, въ случаѣ моей смерти, десъ грѣхъ на ея душу.

Черта прекрасная! но похожа на Пилатору, который, давши

Онъ былъ хорошій чтець, пѣвецъ, писецъ, игрокъ на гусляхъ, и умѣлъ услужить, почему и взятъ былъ хутынскимъ архимандритомъ Парфеніемъ, бывшимъ потомъ преосвященнымъ епископомъ, въ келейные; но при всѣхъ его полезныхъ способностяхъ и добрыхъ качествахъ, имѣлъ онъ несчастіе пить запоемъ, почему, оставъ отъ смоленскаго, присталъ къ нашему архіерею, въ число пѣвчихъ. Во время одного запоя ознобилъ онъ лѣвой руки всѣ персты, которые ему и отгнили; излечившись, присталъ въ капеллю къ рыльскому помѣщику Алексѣю Васильевичу Ширкову, и тамъ вскорѣ умеръ. Вѣчная ему память! если бы сей полезный пьяница меня не приберегъ, то можетъ быть я умеръ бы между трезвыми и проповѣдывающими добродѣтель—воздержаніе. Читавши въ моей жизни словарь о людяхъ, отличившихся дарованіями или добродѣтелями, по истинѣ, нахожу многихъ не лучше его. Напр. «онъ былъ искусной проповѣдникъ слова божія. Процвѣталъ въ 1598 году, но его проповѣди до насъ не дошли». Подобное въ житіяхъ св. отцовъ: «бѣ дѣкто Авра въ пустынѣ, приде къ нему нѣкій братъ и бесѣдова съ нимъ о спасеніи души. Богу нашему слава».

Г. Д.

*) Сей Палѣй вывезенъ былъ преосвященнымъ въ прошлоѣ году изъ Кіева, по старому между ими знакомству, и жилъ при архіереѣ, безъ всякой должности, кромѣ что иногда архіерей шучивалъ надъ нимъ—сколько можно шутить нраву крутому и свирѣпому, слагая на имя его канты, и описывая въ оныхъ охоту его къ водкѣ и худое портное мастерство,—худыми кіево-малороссійскими стихами. Исторія его потому была архіереемъ извѣстна, что они были пріятельми въ кіевскомъ петропавловскомъ монастырѣ, ѣдали изъ одного горшка и пивали изъ одной бутылки. Очень ясно, что были старые артельщики.

Г. Д.

іудеямъ воинскую команду распять Христа, умыль руки въ доказательство своей невинности въ убивствѣ праведника.

Вскорѣ послѣ болѣзни, я предпринялъ выпрыгнуть изъ постели; но слабость не удержала меня на секунду на ногахъ, и я нѣсколько времени спустя имѣлъ нужду свалиться опять въ постель. Потомъ, мало-по-малу укрѣпляясь, оздоровѣлъ такъ, какъ обыкновенно оздоравливаютъ больные. А преосвященный тѣмъ временемъ отправился, по указу святѣйшаго Синода, въ Черниговъ, погребать тамошняго преосвященнаго Кирилла Ляшевецкаго († 14 мая).

По случаю прикосновенія къ матеріи о смерти сего преосвященнаго, расскажу я приключеніе, случившееся предъ его смертію, которое причинило, или по крайней мѣрѣ ускорило его кончину, и о которомъ слышалъ я отъ своего архіерея вотъ какъ:

Преосвященный черниговскій былъ нѣсколько времени боленъ. Потомъ болѣзнь прошла, оставалась одна слабость; почему онъ и не оставлялъ шольковаго, стеганаго шлафрова, по обыкновенію духовныхъ, съ двумя или тремя парами застежекъ.

Въ семь-то роковомъ шлафровѣ легъ онъ, будучи въ слабости, въ постель, въ вечернее время, раньше обыкновеннаго, и читая книгу заснулъ. Во время сна свѣча оплыла, обвалилась на подушку, часть постели мгновенно охватила огнемъ, а преосвященный не пробуждается, къ чему уповательно причиною было и слабое его здоровье, требовавшее, натурально, послѣ болѣзни пріятнаго сна. Огонь коснулся шлафрова. Преосвященный почувствовалъ, что это не ванна. Онъ выскочилъ изъ постели, началъ рвать на себѣ горящій и всѣми застежками застегнутый шлафровъ. Но гдѣ ни хватить руками, вездѣ находить огонь; а шлафровъ, чѣмъ болѣ размахивается, тѣмъ скорѣе на воздухъ охватывается огнемъ. Между тѣмъ, пока на отчаянной его крикъ сбѣжались усердные архіерейскіе служители, которые на ту пору, по обыкновенію монастырскому, заботились о томъ, какъ бы ѣсть, пить и спать исправно, и разорвали огненный шлафровъ, преосвященный, не совершенно еще оправившійся отъ первой болѣзни, перепугался, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обгорѣлъ. Послѣ чего заболѣлъ вторично и — умеръ.

Кто хочетъ чтеніемъ заняться при свѣчѣ,
Тотъ берегись дремать, чтобы не сгорѣть спучи.

Уже я дописался до того времени, въ которомъ кончится настоящее мое званіе и въ которомъ начнется будущее. До сихъ поръ былъ я пѣвчимъ съ кантатою *), былъ подьякомъ съ чиновникомъ **), маршаломъ съ пастырскимъ жезломъ, былъ въ ставленической конторѣ канцлеромъ, и собирая въ кружку деньги, былъ вѣрнымъ казначеемъ, съ помощью преподаваемой мнѣ отъ его преосвященства ариѳметики; былъ иногда у переписки почученій и другихъ рукописей; но теперь послѣдуетъ со мною такая важная эпоха, которою долженъ я начать.

§ XVI.

Новое достоинство.

Сего 1770-го г. августа въ 24-й день очень рано потребованъ я къ архіерею. Предсталъ я къ нему въ пол-лежащему на банапе и встрѣтившему меня сими священными словами: «слыши! приклони ухо твое, забуди люди твоя и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея», — (слова прор. и царя Давида), — потомъ продолжаетъ:

«Отъ давняго времени намѣреніе мое было, сдѣлать тебя къ себѣ поближе. Прилежность и исправность твоя во всѣхъ возлагаемыхъ на тебя должностяхъ, и точное исполненіе всѣхъ моихъ приказаній, давно побуждаютъ меня отличить тебя отъ всѣхъ, находящихся въ моемъ домѣ. Отъ сего дня долженъ ты быть при мнѣ велейнымъ на мѣсто отринутаго за пьянство В.»

Услыша объявленіе, на священномъ языкѣ, жестокой для меня милости, остолбенѣлъ я, какъ Лотова жена. Зналъ я, что въ теченіе трехъ годовъ, девять велейныхъ бѣжали отъ святительскихъ его рукъ, вслѣдствіе чего и отвѣтъ мой состоялъ въ томъ, чтобъ его преосвященство оставилъ меня при прежней милости, а вновь бы къ ней ничего не прибавлялъ; ибо я отвѣчать за нея не въ силахъ по слабости моего здоровья и сложенія. Представлялъ я необыкновеніе мое и несклонность къ службѣ такого рода. Не пропустилъ, что природныя его преосвященства дарованія, просвѣщенные наукою и зрѣніемъ иностранныхъ государствъ, требуютъ опытнаго человѣка. «Ты-то

*) Книга партесная, нотная.

Г. Д.

***) Книга, по которой отправляютъ архіереи священнослуженіе.

Г. Д.

и будень у меня, прервалъ архіерей горькую мою рѣчь, та-
кой келейный, какого я давно предполагалъ въ мысляхъ, если
ты такъ обо мнѣ понимаешь». Я тысячу разъ на себя досадо-
валъ, что я самъ свое дѣло испортилъ своимъ объясненіемъ, до-
садовалъ, не понимая того, что своенравный сильный—всякое без-
сильнаго объясненіе можетъ обращать во свою пользу.

«Не тревожитъ-ли тебя то», спросилъ архіерей, какъ будто
зная мои мысли, «что отъ меня 9 келейныхъ отошли нечест-
нымъ образомъ? Инако и быть не могло, продолжалъ онъ, ибо
ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ ни ума, ни вѣрности, ни поря-
дочнаго поведенія. А человекъ, неимѣющій совокупно сихъ
трехъ квалитетовъ, ни въ какую благородную должность не го-
дится. По крайней мѣрѣ, быть такому не при мнѣ. Напротивъ
того, качества добрыя въ тебѣ я найти не сомнѣваюсь, а паче
съ моимъ наставленіемъ. Сверхъ того, съ талантомъ твоего пра-
вильнаго письма, ты можешь быть при мнѣ кабинетнымъ секре-
таремъ; ты же знаешь,—примолвилъ онъ,—что прежніе мои
служители назывались келейными только отъ моихъ подчинен-
ныхъ, а отъ меня въ семь достоинствъ признаваемы не были».

Симъ послѣднимъ словомъ могъ я быть увѣренъ, что архіерей-
скіе келейники суть такое твореніе, которое должно быть воз-
водимо на свою степень самими архіереями, посвящаемыми Су-
нодомъ, слѣдовательно такой келейный не дальше отъ сино-
дальнаго члена, какъ третье лицо.

Между тѣмъ, какъ чувствительность меня томить, неумол-
кавшій архіерей продолжаетъ: «Мое намѣреніе выше и благо-
роднѣе, нежели ты думать можешь: мое намѣреніе, чтобъ раз-
личествовать мнѣ съ моимъ келейнымъ именемъ только и долж-
ностію, но душу имѣть съ нимъ одну». Много еще подобнаго
говорено, чего ни припомнить нельзя, ни писать нѣтъ нужды;
но что написано, то самая истина, изъясненная точными архіе-
рейскими словами, такъ какъ и вездѣ, гдѣ только бываетъ онъ
прикосновенъ къ моему перу, есть вѣрный списокъ и тонъ его
слова.

Я долженъ признаться, что до тѣхъ поръ не весьма былъ
добраго мнѣнія о характерѣ его сердца; ибо когда онъ смѣется,
то смѣхъ его бывалъ самый ядовитый, съ сопровожденіемъ ру-
гательства на весь свѣтъ, а не сангвинической. Когда онъ гово-

рять, то кричить съ написаннымъ на лицѣ его недоброхотствомъ и злобою во всему человѣческому роду. Когда кому что дарить, то съ бранью и съ упрекомъ, что принимающій того не стѣитъ и проч.

Но выговоренныя въ теперешней аудіенціи съ сильнымъ увѣреніемъ, и съ важнымъ видомъ, послѣднія его слова, переѣнили меня въ одну минуту. Они впечатлѣлись во мнѣ и произвели самое хорошее мнѣніе о справедливости и нѣжныхъ чувствованіяхъ преосвященнаго, или лучше сказать, неопытность моя ослѣпилась великолѣпными увѣреніями, не зная того, что нѣтъ ничего легче, какъ большому человѣку заставить маленькаго всему вѣрить, подобно какъ модному и бывалому въ свѣтѣ щеголю не трудно обмануть невинную дѣвку; вслѣдствіе чего, и бросился я преосвященному въ глубокое молчаніи въ ноги, по обыкновенію монастырскому, которое есть изъ главнѣйшихъ артикуловъ воспитанія въ оградѣ словеснаго стада. А онъ, поднявъ меня, благословилъ, поздравилъ и призналъ келейнымъ. Такимъ образомъ совершилось посвященіе мое въ новое достоинство, обязывавшее меня «имѣть съ архіереемъ одну душу, и быть при немъ кабинетнымъ секретаремъ».

Илишне было бы описывать подробно начало и продолженіе келейничихъ моихъ занятій; однако-жь, чтобы не совѣзмъ объ нихъ умолчать, скажу хоть о тѣхъ, которыя мнѣ скорѣе въ мысль впадутъ.

Прежде всего сдѣлано мнѣ отъ преосвященнаго наставленіе наблюдать чистоту въ покояхъ, имѣть на своемъ трудѣ и отчетѣ гардеробъ и буфетъ; что и отправляемо было мною нѣсколько дней постоянно, въ продолженіе которыхъ я самъ собою былъ доволенъ и въ первый разъ узналъ на опытѣ извѣстное мнѣніе, что «порядокъ есть душа вещей». Но мое узнаніе на опытѣ владыко святой *) не замедлило въ пухъ развить, о чемъ слѣдуетъ ниже.

Потребно вѣдать, что его преосвященство страстный былъ охотникъ до черныхъ работъ, вирить и извѣсть обжигать, и проч., почему имѣлъ обыкновеніе, вставая очень рано, забирать на онныя съ собою весь свой келейный штатъ, состоящій

*) Титулъ російскихъ архіереевъ въ Малороссіи.

изъ дежурнаго, малаго пѣвчаго, изъ двухъ истопниковъ и нѣсколькихъ сторожей и дровосѣбовъ, дабы они, по его словамъ, праздны дома не оставались; а по сему, такъ какъ я оставался дома, то мнѣ одному настояла необходимость, сверхъ предписанныхъ мнѣ должностей, приниматься своеручно за метлы и щетки, за почиству столовыхъ ножей, подсвѣчниковъ, тазовъ и проч., не раздѣляя ни съ кѣмъ сей чести. За все сіе сперва совѣстился я приниматься, но вида, что всего сего требовалъ отъ меня архіерей безъ церемоніи, на силу опомнился, что мнѣ рокъ судилъ, безъ суда, попасться въ черную работу. При всякомъ пріѣмѣ за сіи работы, мечталось мнѣ какъ въ горячѣй и звенѣло въ ухахъ: «помни, что ты имѣешь съ архіереемъ одну душу, и что ты теперь у него кабинетный секретарь».

Между тѣмъ, кабинетный секретарь и общая душа стѣсняли чувствительную иль слабую мою душу до глубокой унылости; ибо, хотя я родился и росъ въ бѣдности, однакожь чувствовалъ въ высочайшей степени, что природа меня не сотворила работою, и что сама она противится теперешнему моему жребію. Правило «молись и трудись» мнѣ было извѣстно, но я вѣрилъ ему не слѣпо. Я разумѣлъ, что оно принадлежитъ человѣку благородному, должностному, гражданину, и проч., а не рабу, или невольнику, стѣнящему подъ игомъ самонравія. Однакожь, не выпуская изъ памяти архіерейскихъ, при принятіи меня, обнадѣживаній, мечталъ я въ свое облегченіе (сіе называютъ, не знаю почему, надеждою, безъ которой, увѣряютъ насъ же называльщики, будто бы и жить нельзя), что неприличная и непринадлежащая мнѣ работа владыкѣ моему въ примѣтѣ, что не хочетъ ли онъ испытать мое терпѣніе и трудъ и что, наконецъ, прекращающая всѣ поземельныя работы зима, возвратитъ къ своимъ должностямъ весь архіерейской штатъ, и тѣмъ поставитъ меня на пьедесталъ кабинетнаго секретаря, имѣющаго съ архіереемъ одну душу. Но сія мечта была не что иное, какъ мечта.

Въ одинъ день послѣ полудня, когда я занимался около бѣлья, считая бѣлое и готова въ мытье черное, приближалъ ко мнѣ архіерей захывшись, и въ зѣльной ярости оглушилъ меня громогласнымъ вопросомъ: «былъ ли ты сегодня въ церкви?» Я въ страхъ и трепетѣ, противъ неожиданнаго грома, отвѣтство-

валъ, что былъ; «слышалъ ли евангеліе?» слышалъ! — Потомъ опомнился, что я лгу, ибо нельзя мнѣ было быть, во-первыхъ за недосугомъ, а во-вторыхъ потому, что и самъ архіерей, кромѣ посвященія ставленниковъ, никогда въ церковь не ~~шло~~ ^{шелъ} валь. Но его ярому преосвященству не было нужды ни во лжи моей, ни въ правдѣ, ни въ церкви, ни въ евангеліи. Онъ продолжаетъ въ жаркомъ гнѣвѣ: «въ церкви читано евангеліе: «идѣже есмь азъ, ту и слуга мой будетъ», а тебя цѣлый день нѣтъ при мнѣ, да еще и въ такую нужную пору, когда я самъ съ работниками изъ новостроющейся церкви вычищаю щепу».

Я, не дожидаясь болѣ, и радуясь что понялъ, въ чему вло- нился изреченный его преосвященствомъ съ толикою ревностію священный текстъ, поскакалъ въ новостроющуюся церковь, и очищалъ съ работниками на ряду щепу и всякой соръ, подъ собственнымъ надзираніемъ преосвященнаго; а вечеромъ, возвратясь въ покои, не ушолъ отъ жестокой брани за дневныя по покоямъ запущенія во время бытности моей на работѣ, равно и за оставленную на полу черноту, которая лежала до возвращенія нашего въ покои.

На завтра, на разсвѣтѣ, приказалъ подавать чай, но вмѣстѣ съ приказаніемъ схватилъ на себя теплые сапоги, полушубокъ, ухатую шапку, и усакавалъ подъ колокольню, гдѣ тогда планировали землю. А когда я пошелъ доложить, что чай готовъ, то на докладъ мой состоялась конфирмація, чтобъ я взялъ носилки и носилъ съ прочими работниками землю; во исполненіе которой, и трудился я цѣлое утро въ потѣ лица за грѣхъ праотца Адама. Прочее время проходило въ подобныхъ упражненіяхъ, дающихъ мнѣ преимущество имѣть съ архіереемъ одну душу. Сверхъ того, казнилъ онъ меня всякой день бранью за то, что у меня волосы становились малы. Я приносилъ оправданіе, что причиною тому недавно прошедшая горячка, и что посему они еще меньше стануть, или и совсѣмъ вылезуть. Но мое оправданіе отвергаемо было съ пуцею бранью, отъ которой я во искушеніи уже былъ суевѣрить, не заключали-ль въ себѣ и мои волосы такъ, какъ Самсоновы, какой-нибудь тайны?

Но мое подозрѣніе было основательнѣе, когда я началъ замѣчать, не тронулся ли преосвященный въ умѣ, или не имѣетъ ли отъ природы нѣкотораго степени сего несчастія. И въ самомъ дѣлѣ,

когда я не былъ въ нему такъ близокъ, то странная его натура не столько мнѣ была подозрительна. Я сообщилъ мое подозрѣніе выше-упомянутому мною К. Вышеславцеву.

«Ты этимъ не шути, отвѣчалъ онъ мнѣ. Я помню, продолжалъ Вышеславцевъ, когда покойный прѣбсвѣщенный новгородскій Димитрій Сѣченковъ назначилъ его на проповѣдь, то онъ надъ сочиненіемъ мной съ ума сошелъ и былъ долгу боленъ» *).

Хотя такая вѣсть меня еще не удостовѣрила, однако, приложивъ въ ней образъ архіерейскаго поведенія, она увеличила мое подозрѣніе:

Вскорѣ за симъ услышалъ я (не подавая уже повода къ сей матеріи); города Путивла отъ священника Стефана, бывшаго прежде при архіерей служителемъ, что преосвѣщенный часто бываетъ вердить въ безпамятствѣ, и часто говоритъ безъ надобности и понятія, подобно лунатику. Отецъ Степанъ былъ постарине меня вдвое: Онъ примѣтя, что я ничего ему не отвѣчаю, продолжалъ: «я вижу, что ты мнѣ не вѣришь! посмотри же, какъ архіерей одинъ будетъ въ кельи во время новомѣсячія, и прислушай! Ты увидишь, что я тебѣ не солгалъ».

§ XVII.

Новомѣсячіе.

Преосвѣщенный избавилъ меня отъ терпѣнія. Въ первое новомѣсячіе примѣтилъ я, что онъ сердитѣе и задумчивѣе обыкновеннаго, и чаще началъ меня бранить за умаленіе волосъ. Я уже не думалъ болѣе и примѣчать, какъ, сверхъ моего недуманья, случилось мнѣ, будучи въ буфетѣ, услышать разговоръ, происходившій въ гостиной. Зная, что нѣтъ никого съ архіереемъ, вскопичило мнѣ на умъ новомѣсячіе, вслѣдствіе чего взялся я, по наставленію отца Стефана, посмотреть и прислушаться. Изъ темнаго буфета, сквозь стеклянные и неотворенныя двери, виднѣе и слышнѣе мнѣ было, нежели изъ-за вулицъ, и абіе очи мои узрѣша и уши услышаша сицевая:

Архіерей, ходя по гостиной горницѣ, то съ важностію, то съ своростію, говорилъ нѣсколько тихо; потомъ, остановившись вдругъ, крикнулъ:

*) Онъ тогда былъ іеромонахомъ и учителемъ въ новгородской семинаріи синтаксическаго класса.

«Я принцъ-архіерей, я не таковой лапотникъ, какъ другіе русскіе архіереи. Я былъ на театрѣ свѣта, меня учить никто не въ состояніи! Придите—истяжемся, сице глаголетъ свѣскій архіерей.» Много еще было подобнаго въ сей рѣчи, въ которую вмѣшивалъ его свѣтлость и священные тексты. Потомъ, слышны были имена звѣрей, скотовъ, ^{плавующихъ} пресмыкающихся и насѣкомыхъ, какъ-то: медвѣдей, лосей, слоновъ, лошадей, коровъ, лягушекъ, сверчковъ, мухъ.

Я очень былъ увѣренъ, что сей разговоръ не есть чтеніе Аристотеля, который, какъ я слыхалъ отъ ученыхъ, писалъ о естествѣ животныхъ. Наконецъ вотъ развязка: его княжеское преосвященство именами вышесказанныхъ тварей называлъ тѣхъ персонъ, которыхъ онъ, ходя и бѣгая по горницѣ, бранилъ, и изъ которыхъ мнѣ многія извѣстны были по именамъ, а особливо синодальные члены и другіе архіереи.

Тутъ уже я увѣрился о сказанномъ мнѣ отъ Вышеславцева, отъ патера Стефана и о своемъ подозрѣніи, но вѣрно и потерялъ съ симъ остатокъ надежды къ лучшей когда-либо жизни; ибо, что можетъ быть бѣдственнѣе въ жизни, какъ служить начальству и пастырю, который увѣренъ о себѣ, что онъ умнѣе всѣхъ на свѣтѣ, и долженъ быть выше и блистательнѣе всѣхъ на свѣтѣ! Уже я пересталъ думать о достоинствѣ кабинетнаго секретаря и объ одной въ двухъ тѣлесахъ душѣ, какъ въ одну ночь преосвященный, проснувшись, влинулъ меня, лежа въ постели. А когда я въ темнотѣ подошелъ для принятія приказа, то онъ спросилъ меня:

«Хочешь ли ты жениться?»

— Нѣтъ, отвѣчалъ я.

«Когда хочешь, то вотъ тебѣ невѣста, которая живетъ у сестры. Она мнѣ доводится своя. Ну, когда хочешь, такъ женись».

— Нѣтъ, не хочу, отвѣтствовалъ я.

«Да для чегожь?»

— Мнѣ еще рано жениться.

«Ну поди», заключилъ архіерей темную нашу аудіенцію.

Я зналъ эту толстую дѣву. Она иногда прихаживала ко мнѣ въ постные дни за рыбою для архіерейской матери и сестры. Она еще не имѣла 26-ти лѣтъ, и была одна изъ находившихся

при архіерейской сестрѣ бѣдныхъ ея сродницѣ, отправлявшихъ у нея должность прачекъ и служительницѣ.

Возлегши на мою постелю, далъ я свободу своему разуму руководствовать мною, какъ онъ хочетъ. Съ помощію его, толковнулся я ко внутреннимъ моимъ движеніямъ, и не нашелъ въ нихъ ни пылинки согласія съ архіерейскимъ предложеніемъ. Разсудокъ говорилъ мнѣ: «ты еще молодъ, ты долженъ о себѣ мыслить и промыслять, сколь можно лучше. Предложеніе тебѣ архіерейское есть довазательствомъ, что онъ тобою не дорожитъ, а если онъ предлагаетъ тебѣ изъ доброхотства, то посуди, что должно думать о его смыслѣ?» — Словомъ: сей путеводитель, надѣлавши много вопросовъ, отвѣтовъ, задачъ, разрѣшеній, одобрилъ превосходно мое заключеніе, что я отказался отъ чести свойства съ принцемъ-архіереємъ и его новомѣсячіемъ.

Я, поблагодаря моего наставника, уснулъ и спалъ такъ, какъ всѣ спятъ молодые люди, съ тѣмъ только изъятіемъ, что мнѣ ложаюсь послѣ архіерея, и вставая прежде его, не оставалось въ сутки болѣ 4¹/₂ часовъ на успокоеніе. Природа же съ настоящею моею участію столь не соглашалась, что я не возропталъ бы на время, если бы оно мнѣ позволило выспать 10 часовъ съ ряду. А если владыко нашъ, въ теченіе дня найдетъ кого спящимъ, то тотчасъ поднимаетъ изо всей мочи крикъ и бросается искать палки, если ее на ту пору въ рукахъ не случится. Пробужденный симъ обрядомъ, спрашивай сколько хочешь: что прикажете? что надобно? ничего не услышишь, кромѣ брани, крика, ругательства; и тѣмъ кончится вся церемонія, хотя-бъ это было и не въ новомѣсячіе.

Въ наступившее утро никакихъ изъ нашей ночной матеріи не видно было слѣдовъ; но за обѣдомъ преосвященный далъ знать, что онъ предлагалъ мнѣ о женитьбѣ не спросонья, ибо когда поставили на столъ плоды, то онъ, схвативши яблоко, бросилъ его въ меня изо всей силы такъ, что креслы его на аршинъ откатились съ нимъ назадъ, напоминая вмѣстѣ съ заманомъ ночныя мои слова: «тебѣ еще рано жениться», и когда бы я не уклонился въ сторону, то лобъ мой не остался бы безъ вонтузіи. А у его преосвященства такой обычай, что когда разъ не попадалъ, то въ другой разъ тогда же не повторялъ, до-

вольствуясь первымъ импетомъ *), каковъ бы онаго устѣхъ ни былъ, а сія благотворительная въ мудреной природѣ черта показывала, какъ будто онъ опомнивался, что сдѣлалъ ужъ слишкомъ много.

Всѣмъ, сидящимъ за столомъ **), непонятна была наша роль, однакожь никто не смѣлъ спросити объ открытіи таинства, въ ней заключающагося.

Но какъ я послѣ стола и по отшествіи архіерея открылъ ей родникъ всѣмъ желавшимъ нетерпѣливо его знать, то всѣ меня поздравили непрерывнымъ на мой счетъ смѣхомъ. Мнѣ однакожь было не до смѣха. Примѣчанія достойно, что самый робкій человѣкъ дѣлается отважнымъ, когда доводятъ его до крайности. Я смекнулъ дѣломъ, и пошелъ тотчасъ къ архіерею.

Онъ, сѣдя въ спальнѣ на постелѣ, стригъ маленькую собачку, приговаривая къ ней по-французски, и взглянувъ на меня сказалъ: «это значитъ: бархатныя лапы», а я отвѣтствовалъ: «нижайше прошу ваше преосвященство уволить меня отъ теперешней должности къ прежней». Онъ бросилъ ножницы на одѣяло, вздернулъ носомъ къ верху, покраснѣлъ, собачка соскочила, все это сдѣлалось въ одинъ моментъ.

Вопросъ: Что тебя къ этому побудило?

Отвѣтъ: Тѣ же самыя причины, которыя я, и при принятіи меня, представлялъ вашему преосвященству. Я не сроденъ въ такой должности, какую теперь имѣю...

«То-есть, ты не хочешь», сказалъ архіерей, и не давши мнѣ на то отвѣчать, примолвилъ священный текстъ: «маловѣре! почто усумнился еси?» Потомъ, помолчавши нѣсколько секундъ, скочилъ, какъ уволотый булавкой, воѣжалъ въ кладовую, которая граничила со спальнею, — и началъ оттуда чрезъ порогъ бросать на помость цѣлыя выдѣланныя лисицы ***).

*) Латинское слово *impetus* — нападеніе, ударъ.

Г. Д.

***) Съ нимъ тогда обѣдали, братъ его, кievской академіи студентъ, и инспекторъ брата Трипольскій, партикулярный еще учитель семинаріи, Ондорскій и членъ консисторіи Рудаѳовскій.

Г. Д.

***) Лисица живая или мертвая, есть та, которая съ мясомъ, и еще неободрана. Мѣхомъ лисьиимъ называется много подобранныхъ и спитыхъ лисидъ въ одно мѣсто. А какъ назвать должно однимъ словомъ содраную съ лисицы кожу съ волосомъ, и выработанную для раздѣленія ее на лисьи мѣхи, того я въ російскомъ академическомъ словарѣ не нашелъ. Можетъ быть, не въ томъ мѣстѣ искалъ, гдѣ надобно искать.

Г. Д.

Набросавши дюжины съ полторы: «вотъ возьми»—сказалъ, «сдѣлай себѣ шубу, а чего не достанетъ, тогда скажи. Сукна на покрышку можешь самъ купить». Я желалъ разумѣть, что онъ мнѣ ввѣряетъ только выборъ сукна, но то разумѣлось, противъ моего желанія, чтобы я и деньги свои употребилъ, ибо онъ при-молвилъ: «Деньги имѣешь». Итакъ, двое мы съ преосвященнымъ соорудили одну шубу, которая явилась въ мѣръ въ достоинствѣ мирнаго нашего трактата, и которую получилъ я вмѣсто от-пуска, благодаря сватовства и новомѣсячя.

Въ сіе время—въ сентябрѣ—проѣзжалъ изъ Петербурга на ми-трополю кievскую, митрополитъ Гавріилъ Кременецкій, бывшій с.-петербургскій архіепископъ. Онъ угощаемъ былъ у нашего преосвященнаго, и у сѣвскаго воеводы Пустошкина. Погостивши на семь перепуты дни съ три, выѣхалъ изъ Сѣвска въ Гама-левскій, епархіи своей, монастырь, созданный въ лѣсу гетманомъ Скоропадскимъ, гдѣ и прожилъ болѣе года, по причинѣ свирѣп-ствовавшей тогда въ Кіевѣ заразы, увѣренъ будучи, что для него нужнѣ всего отъ чумы предосторожность, а для кievскихъ жителей молитвы его могутъ и издали дойти.

По первому зимнему пути запросилъ преосвященнаго въ гости дѣйствительный камеръ-геръ Михайло Ивановичъ Сафоновъ, въ домъ его, состоящій Путивльскаго уѣзда въ слободѣ Тернахъ, ко-торая пожалована ему отъ императрицы Елисаветы Петровны при крещеніи ея сына его, и которая разстояніемъ отъ Сѣвска верстъ на полтора.

§ XVIII.

Гостепріимство.

Камеръ-геръ встрѣтилъ преосвященнаго на крыльцѣ. Тогда сдѣлалась морская съ холодомъ непогода; вслѣдствіе чего пре-освященный и возгласилъ камеръ-геру при первой встрѣчѣ, что хотя время и не хорошо, однакожь въ эту пору года и въ луч-шихъ климатахъ бываетъ худо.

По входѣ въ залъ, хозяинъ сдѣлалъ гостю наивѣжливѣйшее привѣтствіе, ловкія и ласковыя его слова давали въ немъ знать человѣка придворнаго*); тогда было три часа пополудни, и ку-

*) Онъ былъ женатъ на придворной же, рожденной графинѣ Гендрико вой и былъ вдовъ, имѣлъ пьянаго сына и двухъ дочерей прекрасныхъ. Г. Д.

шанье было уже на столѣ; не тратя времени, хозяинъ сказалъ: «пора кушать, ваше преосвященство».

Съ началомъ стола, загремѣла вокальная и инструментальная музыка. Музыканты одѣты были чисто, пѣвцы въ бѣломъ одѣяніи, и большею частію похожи были то на мопсовъ, то на борзыхъ; брюнетки были какъ мухи въ сметанѣ, а блондинки, какъ сыръ въ молокѣ,—иной бы подумалъ, что это сдѣлано въ угодность ревнивой женѣ, если-бы камеръ-геръ не былъ вдовъ. Они начали концертомъ, владки г-на Рачинскаго *) «Радуйтесь Богу помощнику нашему», играли и пѣли прекрасно. Я слушалъ и зѣвалъ съ восхищеніемъ, потому что зрѣлище сіе было для меня еще новое въ такомъ совершенствѣ. Слуги служивали проворно, а господа за кушаньемъ не уступали имъ въ проворствѣ. Хозяинъ былъ веселъ и пріятливъ. Все шло своимъ чередомъ, и всѣ, казалось, готовы были продолжать веселости, какъ владыка нашъ, повернувшись къ своему дежурному малому пѣвчому, стоявшему за нимъ съ тарелкою, кривнулъ-гаренулъ, громкимъ голосомъ, молодецкимъ посвистомъ:

«— Посмотри, скотъ! какой малой»—указывая на одного изъ музыкантовъ—«да какъ хорошо на сeryпкѣ играетъ, а ты съ вора въпросъ и ничего не умѣешь! Становись на колѣни!»

Малой гранулъ на колѣни. Я съ горестію потерялъ желаніе видѣть его преосвященство порядочнымъ въ такомъ домѣ, гдѣ каждому пріятно было веселиться. Я сердился на новомѣсячіе. Всѣ на это странное явленіе обратили глаза. Архимандритъ Карпинскій покраснѣлъ. Хозяинъ отворотился къ оркестру, видя, что гость имѣлъ дерзновеніе домъ его сдѣлать публичнымъ мѣстомъ наказанія, во время обѣденнаго стола. Каждый почувствовалъ непріятное въ себѣ движеніе. Одинъ только преосвященный продолжалъ спокойно обѣдъ, и всталъ изъ-за стола въ одну пору съ осужденнымъ.

Въ послѣдующіе два дни видѣли мы домовую церковь, довольно хорошо украшенную, хотя деревянную, конюшню, манежъ; были зрителями одного театральнаго представленія и натуральнаго въ горѣ погреба, гдѣ ставилось и хранилось вино собствен-

*) Славный вальмейстеръ, при музыкѣ графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго. Мнѣ случилось послѣ видѣть его въ Новгородѣ-сѣверскомъ. Мужъ, на лицѣ котораго ознаменовано нанчувствительнѣйшее сердце. Г. Д.

наго винограда. Я видѣлъ въ залѣ картину дома, въ которомъ родился великій Петръ. Наружныхъ лѣстницъ много; окна квадратныя, во вкусѣ русской простоты; подѣ рисункомъ написаны стихи Александра Сумарокова:

Въ российской области въ семь домѣ рокъ былъ щедръ.
 Дохнулъ отъ небеси небесный россамъ вѣтръ.
 Природа извела сокровище изъ нѣдръ:
 Въ семь домѣ родился, великій россиянинъ Петръ!

Преосвященный во всю нашу бытность, препровождаемую кушаньемъ, десертомъ, закусками, музыкою и ласковымъ хозяйскимъ приемомъ, былъ очень недоволенъ, что такое гостеприимство связано съ порядкомъ, связывающимъ у него руки, ноги и языкъ.

На четвертый день, позавтракавши, отѣхалъ домой. По пути заѣхали въ путивльскій Молчанскій монастырь, гдѣ приняты были игуменомъ Мануиломъ Лсвицкимъ и угощены. Подѣ образомъ и подѣ именемъ «благочинія» забавлялись осмотромъ церкви и церковныхъ утварей. Въ одной, — помнится, — воскресенской церкви, показали преосвященному большой молитвенникъ въ листъ, въ переплетѣ подѣ бѣлымъ пергаментомъ, въ позолоченномъ обрѣзѣ. Очень новъ и чистъ. Повидимому, его хранили, какъ рѣдкость. При началѣ книги, на первомъ бѣломъ листѣ, написанъ рукою владчика стихъ стариннымъ малороссійскимъ, смѣшаннымъ съ польскимъ, языкомъ:

«Гды будешь по сей князѣ благога блгогы тако:
 Не рачь, молю, и мене въ увѣ часъ забываты».

Писано твердымъ, и по тогдашнему времени не худымъ малороссійскимъ почеркомъ и подписано: «Иванъ Мазепа полковою асаулъ».

Преосвященный взялъ его въ свою библиотечку, которая потомъ вмѣстѣ съ преосвященнымъ и съ молитвенникомъ умерла. А если-бы любостыжательность іерарха не тронула сей вещи съ своего мѣста, она бы и теперь и на будущія времена служила для церкви памятникомъ тѣхъ извѣстныхъ по исторіи временъ, въ которыя жилъ владчикъ, бывшій потомъ гетманъ Мазепа, и кончившій жизнь свою вмѣстѣ съ измѣною Петру Великому, во время войны противъ Карла XII, короля шведскаго.

Многіе путивльскіе купцы, которые были побогаче другихъ,

удостоены архипастырскаго ~~благословенія~~ и посѣщенія, гдѣ обыкновенно, при воплѣ вокальной архіерейской музыки, пѣли и ѣли чрезъ цѣлый день, а въ монастырь къ игумену возвращались спать. Хозяинъ нашъ былъ человѣкъ бывалой, вѣдомой и добрый. Въ младолѣтствѣ своемъ находился онъ при кievскомъ митрополитѣ Рафаилѣ Заборовскомъ дворецкимъ, и въ управленіи деревень, слѣдственно старинный архіерейскій солдатъ и знатокъ всѣхъ по части духовной обрядовъ и подробностей. Онъ находилъ удовольствіе заслуживать любовь и доброе о себѣ мнѣніе у знатныхъ духовныхъ лицъ и имѣлъ непопечное любочестіе, кому можно тѣмъ хвалиться. Чему всегдашнимъ у него доказательствомъ была книга въ переплетѣ съ подлинными къ нему письмами отъ преосвященнаго митрополита московскаго Тимоѳея Щербацкаго, Тихона епископа воронежскаго, бывшаго сѣвскаго и другихъ духовныхъ властей.

Сіи письма, хотя не заключали важной въ себѣ матеріи, но поелику писаны особами, посвятившими себя словесности и регулярной жизни, то и не была въ нихъ потеряна граматическая правильность, риторическая пріятность, и иногда дружескія, благопристойныя и остроумныя шутки. Все сіе было для меня полезнымъ навыкомъ, а паче въ такія времена, когда рѣдко гдѣ умѣли правильно мыслить и говорить, кромѣ академиковъ, которые питаются очень жирно и не приносятъ государству пользы ни на булавочную головку, кромѣ задачъ праздностію порожденныхъ.

По выѣздѣ изъ Путивля заѣхали по пути въ селѣ Есманѣ къ священнику отцу Ивану Лѣвицкому, кievской епархіи. На ту же самую пору случилось туда же заѣхать одному изъ малороссіянъ, котораго пощъ-хозяинъ поименовалъ полковникомъ Гриневымъ.

Лишь только сей Гриневъ сошелся съ нашимъ архіереємъ, то вдругъ невѣдомо изъ чего начались у нихъ диспуты философическіе, теологическіе, физическіе, математическіе, астрономическіе, астрологическіе, метафизическіе, филантропическіе и проч. Они бросались изъ матеріи въ матерію, другъ противъ друга кричали, утверждали, опровергали, важничали, смѣялись, сердились, хохотали, садились, вставали, ходили, бѣгали, — крику полныя горницы, а дѣла ничего. Двадцать часовъ съ лишнимъ у меня невы-

ходилъ поднось изъ руеъ — съ рюмками, стаканами, чашками безъ купанья, въ спорахъ при попойкѣ, а конца ничему не было видно. Уже я лишался силъ, хотя подвигъ сей былъ уже для меня и не новой, какъ къ счастію моему и ихъ, они поссорились.

Гриневъ бросился въ свой покой, архіерей, возсѣвъ на лавку, не могъ уже встать, завалился за столъ и заснулъ. Проснувшись, не заботились другъ съ другомъ видѣться и спросить о здоровьи. Они разбѣхались по домамъ, оставя споръ свой рѣшить академикамъ, которымъ нѣтъ лучшаго дѣла.

Вышеупомянутый игумень Мануилъ вскорѣ послѣ сего, будучи въ Сѣвскѣ череднымъ консисторскимъ членомъ, сообщилъ мнѣ, что отъ камеръ-гера Сафонова приготовлены были для архіерея, въ бытность его въ Тернахъ, многіе подарки, состоящіе въ лошадяхъ, коврахъ, коляскахъ, салфеточныхъ и скатертныхъ поютнахъ и прочихъ своего завода и работы вещахъ, кои работаютъ у него съ отличнымъ искусствомъ. «Но все сіе, говорилъ игумень, оставлено, когда увидѣлъ Сафоновъ, что онъ у себя, вмѣсто архіерея и вояжира, угощаетъ бурлака, который тѣмъ опаснѣе, что знаетъ языки и во многомъ свѣдуецъ».

Еслибы я исторію мою ~~до~~ исполнилъ важнѣйшими или достойнѣйшими любопытства описаніями, то не имѣла бы она исторической истины. Природа не сотворила меня лгать и любить ложь, почему мифологію, метафизику, кабалистику и романы безъ нравственности почитаю и для себя мертвыми, и себя для нихъ мертвымъ. Я люблю говорить то, что понятно, и люблю слушать то, что ясно и полезно. Для меня понятно, наприм., возстановить и утвердить порядокъ правленія, но не на мой вкусъ: «поставить зданіе на незыблемыхъ столбахъ политическихъ». Я могу написать: изнеможеніе или остатокъ законной силы и власти, но никогда не напишу: «единая тѣнь колоссальнаго могущества». Я могу написать: паденіе государства и его законовъ, но не напишу: «потеря тяжести, равновѣсія политическихъ постановленій». Кто такъ пишетъ, тотъ моею своеобычливости кажется такимъ аптекаремъ, который въ одной ступѣ толчетъ исторію съ механикой.

Я могу говорить: французы уклонились отъ порядка, истины, должности, но не скажу: «французы уклонились отъ знаменъ философіи». Я могу говорить, что духовенство могло бы проив-

спору за вѣру, проклятiя и казни, но не скажу: «что духовенство зажгло бы релігіозную войну». Я разумѣю значеніе: отвратительнаго самолюбія, но гнушаюсь «гнуснымъ эгоизмомъ». Мнѣ понятно: изступленіе народа во время всеобщаго мятежа, но отвратителенъ «энтузіазмъ народа въ сію эпоху революціонной бури». Мнѣ понятно: французы зараженные изступленіемъ своими соотечественниковъ, но смѣшно: «наэлектризованные сообщительнымъ энтузіазмомъ французскихъ патріотовъ». Я разумѣю: ужасное смятеніе народа въ такой уже было степени, что всякая преграда благоразумія—безсильна была отратить его, но стыжусь разумѣть: «рѣка революціонная, которой берега низко опущены, разливалась съ такою быстротою, что уносила съ собою всѣ оплоты, которыми хотѣли поздно удержать ее». Нѣтъ никакого тайнства, что кровожаждущему Робеспьеру отрублена голова на эшафотѣ, 9-го термидора, при радостномъ рукоплесканіи всего народа. Но не кстати загадка: «Глухой ревъ, который бываетъ предтечею бури, возвѣстилъ ея приближеніе, 8-го термидора громъ загремѣлъ, а 9-го термидора ударъ совершился». Стрѣльцы, физики и канонеры говорятъ, что прежде совершается ударъ, а послѣ ударяетъ громъ; у нашихъ ораторовъ напротивъ. Пусть такъ пишетъ современникъ мой Сегюръ: онъ человекъ государственный. Пусть такъ переводитъ соотечественникъ мой Измайловъ: онъ умѣетъ говорить по-французски и я люблю читать его Евгенія Лувича, представляющаго не картину, но истинную исторію: Я люблю собственный тождъ моихъ родовитыхъ предковъ, кои переводили, напримѣръ, троянскую исторію, писали царственную книгу царя Ивана Васильевича, не исключая и чудесъ, безъ которыхъ въ тѣ времена нельзя было обойтись. Люблю «Древнюю Россійскую Вивліюэику» и еще, если угодно, люблю «Жизнь Нибона патріарха», который не былъ умнѣ моего архіерея. А велейникъ его Шущеринъ, который писалъ его жизнь, былъ тоже что и я, съ тою только разницею, что онъ писалъ жизнь своего патріарха съ примѣсомъ къ ней чудесъ, а я пишу дѣянія моего принца-архіерея безъ прибавки къ нимъ постороннихъ чудесъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).